

Уленшпигель в Пекине

Несколько месяцев назад журнал «Уленшпигель» позволил себе не согласиться с одним проектом, выдвинутым газетой «Эндепанданс». Проект этот предусматривал отправку бельгийских войск в Гонконг, чтобы они совместно с войсками Англии и Франции завоевывали китайские территории.

В связи с этим проектом «Эндепанданс» ссылалась на договоры 1841, 1842 и 1858 годов, которые обошлись весьма недешево Англии, а затем и Франции. «Расходы Бельгии по этой экспедиции, — писала газета, — являются своего рода авансовым капиталовложением для получения прибылей в будущем».

До чего же оказалась права газета «Эндепанданс» и как ошибались мы!

Экспедиция, о которой идет речь, действительно, уже заканчивалась. Она принесет Англии и Франции несметные сокровища и глубокое удовлетворение от сознания того, что они сделали все возможное для цивилизации этих варварских народов.

Цивилизаторам удалось завладеть летним дворцом императора, разграбить и опустошить его, то есть сделать то, что соответствует правам и обычаям просвещенных народов.

Надо полагать, что жители Пекина были восхищены зуавскими повадками французского солдата, умеющего грабить с изяществом, что должно производить особенно сильное впечатление на прирожденных вар-

варов страны, где рис едят маленькими палочками.

Представляется, что благодаря вмешательству сливок парижского общества, которые принято называть «корпусом зуавов», едва они начинают действовать за пределами Франции, дело цивилизации китайского народа оказывается на верном пути. Говорят, что на всех углах пекинских улиц можно увидеть характерные группы людей: в центре стоит капрал или сержант, окруженный толпой мандаринов в одеждах с белыми, синими или красными пуговицами, и преподает им принципы истинной морали и христианской кротости.

Что же до старой Европы, то она надеется, что цивилизаторы не будут чересчур торопиться со своими делами. Она просто боится слишком скорого возвращения такого большого их количества, боится «цивилизации», которую они ей несут. И кто знает — быть может, в дальнейшем никто уже не признает за этой почтенной матроной права называться цивилизованной! Убоимся же тех, чья непомерная страсть «цивиловать» может увлечь их за пределы дозволенного.

Положительно, в этой афере только и не хватало честного бельгийского народа! Как это поистине достойно его — увязаться в качестве бесполезного партнера за «цивилизаторами», которые, вняв его докучливым просьбам, разрешат ему взять себе скромную долю добычи, завоеванной столь бесчестным образом!

Иван Бунин

СУЕТА СУЕТ

Многие ли знают, как умер Вольтер, где похоронен он был первоначально и какова была судьба его сердца и мозга?

Об этом с обычным мастерством и с вечной присущей ему тонкой иронией рассказывает Ленотр.

Вольтер приехал в Париж за три месяца до смерти и поселился в особняке г. де-Виллета, на углу улицы Бон и набережной.

Три месяца в этом особняке царили мир и спокойствие. Но вот настает роковой вечер 30 мая 1778 года, — и проходящие мимо ворот особняка и заглядывающие в его двор (который, кстати сказать, остался и доныне почти таким же, каким

был в те годы) видят, что в доме происходит что-то не совсем обычное: несмотря на поздний час, три окна в первом этаже ярко освещены, за их занавесками мечутся людские тени... Что случилось?

А случилось то, что «великий безбожник» уже отдал богу душу и его семья, г-жа Дени, ее брат аббат Миньо, г. Дормуа, г. де-Виллет и кухарка с привратницей энергично хлопочут над трупом, наряжают его: дело в том, что после похорон А. Лекуврер Вольтер был одержим кошмарным страхом, что после его смерти тело его будет брошено, как падаль, что враги его правы, предсказывая огромный скандал, который могут учинить при его погребении религиозные фанатики. Надо, значит, было этот скандал во что бы то ни стало предотвратить.

Вольтер испустил последний вздох в одиннадцать часов. Тотчас же после этого кинулись за хирургом г. Три и за соседом

Заметка И. А. Бунина представляет собой своеобразный отклик на рассказ французского историка Ленотра (1855—1935) о необычайной судьбе мозга и сердца Вольтера. В советской печати публикуется впервые.

аптекарем г. Митуар, которые, быстро осмотрев тело и запротоколировав смерть, стали наспех, кое-как бальзамировать его, вынули сердце, мозг, внутренности... Внутренности бросили в помойную яму, мозг погрузили в банку со спиртом, а сердце — в свинцовую коробку, которая заключена была в серебряный вызолоченный ларчик. Однако это было далеко не все, что нужно было сделать. Главная задача состояла в том, чтобы тайком вывезти тело из Парижа, тайком, доставить его в аббатство Сельер, находящееся от Парижа в тридцати лье. Аббат Минью, племянник покойника, к этому аббатству был причастен и надеялся получить от его настоятеля разрешение на отпевание и погребение Вольтера именно там. Но как доставить его туда? Доставить нужно было не без хитрости, не стесняясь средствами и как можно скорее.

И вот после вскрытия быстро стали наряжать труп: его спеленали свивальниками, которые были надраны на скорую руку из простынь, на него напялили халат, на голову надели ночной колпак, на ноги — ночные туфли. А покончив с этим, потащили ряженые останки великого человека вон из дому, во двор, посадили их в карету — она была голубая, в звездах, — напротив велели сесть лакею, который должен был держать и не давать покойнику падать, а кучеру приказали гнать лошадей что есть мочи.

Как известно, все это предприятие удалось превосходно. Лакей по прибытии в Сельер был сам близок к смерти от страха, пережитого во время скачки до Сельера в темной карете, лицом к лицу с качавшимся мертвецом. Однако доставлен был мертвец в Сельер в целости и сохранности, весьма быстро, и так же быстро было и доделано дело: Париж даже еще и не знал о кончине Вольтера, как уж тело его лежало под плитами Сельерского собора.

Что до сердца и мозга, то они претерпели гораздо более многочисленные приключения.

Мозг, «который отличался необыкновенным объемом», взял себе аптекарь Митуар. Некоторое время он извлекал из него большие радости для своего тщеславия: показывал его публике — «всем желающим созерцать сии останки г. Вольтера». Будучи, однако, человеком культурным и боясь за судьбу «дивной реликвии», он решил принести ее в дар государству. Но тогда судьба еще более жестоко посмеялась над Вольтером: к несказанному удивлению и ужасу аптекаря государство почему-то смутилось; стало благодарить, кланяться, но взять мозг отказалось. Через полвека после этого сын аптекаря врач Митуар повторил попытку отца сохранить для потомства замечательный мозг — еще раз предложил его Франции. Но... Франция почему-то снова отклонила эту честь. Третий

собственник мозга, г. Вердье, навязывал его Академии: авось хоть «бессмертные» согласятся взять мозг своего бывшего сочлена. Но и Академия отказалась: «не нашлось достойного вместилища для столь неожиданного вклада». И мозг пустился странствовать: он перешел по наследству к внучке аптекаря, а внучка все путешествовала и всюду возила за собой драгоценный сосуд, «таивший в себе то чудесное, что в свое время вырабатывало столь гениальные мысли». А когда умерла и внучка, сосуд почему-то попал в руки какого-то г. Лаброса, аптекарского помощника, в 1870 году был куплен кем-то на аукционе, при распродаже какой-то обстановки, а затем погрузился во мрак полной неизвестности.

Может быть, говорит г. Леновр, он цел и донныне, валяется где-нибудь на чердаке, среди какой-нибудь рухляди? Но где именно? На этот вопрос до сих пор еще никто не отозвался.

Беспокойна, печальна была и участь вольтеровского сердца.

У Вольтера была приемная дочь, «олицетворение Красоты и Доброты», которая была замужем за маркизом де-Виллет, домовладельцем на улице Бон, поэтом и страстным поклонником Великого Старца. Он и присвоил себе его сердце и приказал выгравировать на ларчике, вмещавшем это сердце, стих собственного сочинения:

Дух его витает всюду, сердце же покоится здесь.

Впоследствии ларчик с сердцем долго стоял в мавзолее, воздвигнутом для него Виллетом в салоне знаменитого вольтеровского убежища, в славном по всему миру замке, которым Виллет тоже завладел в свое время. Там в честь своего идола он устроил нечто среднее между музеем и каплицей, самого же себя провозгласил верховым жрецом вольтеровского культа. Но шли годы, страсть Виллета мало-помалу утихала, и знаменитый замок был сдан им в конце концов в наем какому-то богатому англичанину. Англичанин же, конечно, тотчас же велел мавзолей в салоне разрушить, а «драгоценный» сосуд с сердцем «куда-нибудь вынести...»

Впрочем, сердце оказалось все-таки счастливее мозга. Ларец с ним все же сохранился. Конечно, и он переходил из рук в руки, от наследников к наследникам, был предметом их споров и даже судов, однако уцелел и в свое время был тоже предложен в дар государству, которое на этот раз оказалось уступчивее, чем прежде в деле с мозгом. Сердце Вольтера покоится теперь, как известно, в библиотеке на улице Ришелье, в поколе, на котором стоит модель знаменитого мрамора Гудона...

Да, Вольтер недаром усмехается так ядовито и донныне. Между прочим, и над самим собой, конечно.